

УДК 81'42: 340.6

ЭТНИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ В МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРОБЛЕМ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ¹

Валерий Александрович Мишланов

д. филол. н., профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Пермь, ул. Букирева, 15. mishl@psu.ru

Владимир Александрович Салимовский

д. филол. н., профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Пермь, ул. Букирева, 15. salimovsky@rambler.ru

В статье уточняется содержание понятия «лингвистическое обеспечение законодательства и правоприменительной практики»; в свете проблем лингвистического обеспечения правоприменения анализируются положения Закона РФ «О противодействии экстремистской деятельности», а также юридические комментарии к этому закону; раскрывается содержание ключевых понятий названного закона: *речевой экстремизм, пропаганда, призывы, возбуждение национальной розни* и др.; выдвигаемые положения иллюстрируются примерами из текстов СМИ, в отношении которых назначались судебно-лингвистические экспертизы.

Ключевые слова: лингвистическое обеспечение законодательства; судебная лингвистика; речевые преступления; речевые признаки экстремизма; экспертиза конфликтного текста.

Принятый в 2002 г. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» (с изменениями, внесенными в июле 2006 г.) [Федеральный закон РФ «О противодействии экстремистской деятельности» 2006] с самого начала подвергся весьма жесткой критике, не утихающей и поныне. В лучшем случае критикуются формулировки тех или иных положений закона, которые расцениваются как неточные, двусмысленные, допускающие расширительное толкование, в худшем – его признают вредным, ненужным, таящим в себе угрозу правам и свободам граждан и призывают отменить вовсе. Как пишет А. Ставицкая, «принятие Закона РФ "О противодействии экстремистской деятельности", как и принятие других законов, связанных с ограничением прав человека, сопровождалось протестом со стороны общественности. Представители 15 правозащитных общественных организаций 8 июля 2002 г. на «круглом столе», посвященном ФЗ "О противодействии экстремистской деятельности", обратились к Президенту РФ и Совету Федерации с просьбой отказаться от принятия этого закона. По словам автора обращения,

доктора юридических наук, правозащитника Михаила Кузнецова, *проблема экстремизма сегодня в России выдумана, и подобные законы направлены не на стабилизацию внутрисударственной ситуации, а на ущемление прав и свобод россиян* [Ставицкая].

То, что «буква» означенного закона несовершенна и нуждается в корректировке и уточнениях, очевидно (см. об этом, в частности: [Демешкина, Наумов, 2011]). Но так ли уж неверен «дух» закона об экстремизме, как представляют его многие комментаторы? Можно ли осмыслить запрет на публичное разжигание ненависти, вражды к кому-либо, на призывы к насилию, к террору, на унижение национального достоинства и поправление святых как покушение на свободу слова? Вряд существуют серьезные основания утверждать, что закон об экстремизме несет угрозу правам и свободам граждан, в частности, ущемляет права СМИ, ограничивая свободу слова журналиста, его право выражать свои убеждения.

Другое дело – правоприменительная практика, наталкивающаяся, как показывает опыт, на

значительные трудности, причины которых коренятся как в изъянах языковой формы законодательных текстов, так и в несовершенстве методов судебной лингвистической экспертизы. «Несмотря на то, что ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» является фундаментом непосредственного правового регулирования борьбы с экстремизмом, практика его применения только формируется» [Магомедова].

Для лингвиста, занимающегося судебной экспертизой конфликтных текстов, как, впрочем, и для любого человека, разделяющего позитивные ценности, не считающего возможным грубо попирает цивилизованные правила общения, нормы речевой культуры, нет никаких сомнений в том, что современная массовая коммуникация все более отдаляется от накопленных нашей цивилизацией ценностей, определяющих речевой этикет, культуру общения. Враждебность, речевая агрессия, ксенофобия становятся обычным явлением на страницах газет, в радиоэфире, а более всего – в Интернете [Салимовский, Ермакова, 2011]. Демократическое государство и гражданское общество не должны быть «толерантны к интолерантности», и появление закона, запрещающего социальную враждебность и экстремизм, рано или поздно становится неизбежным.

В этой статье мы попытаемся проанализировать положения закона об экстремизме под углом зрения проблем их правоприменения, выделяя особо те из них, решение которых лежит целиком или хотя бы частично в пределах языкознания и речеведения. Заметим, что в определенном лингвистическом обеспечении нуждается все законодательство, но в особенности – те законы и нормы, которые предусматривают санкции за «речевые деликты», т.е. за правонарушения, реализованные в речевой деятельности, в порождении некоторого конфликтного (конфликтогенного) текста. Мы имеем в виду прежде всего федеральные законы «О СМИ», «О рекламе», «О противодействии экстремистской деятельности», а также «речевые» статьи Уголовного и Гражданского кодексов РФ (к наказуемым деяниям в этих статьях относятся клевета и оскорбление, разжигание национальной и социальной розни, публичные призывы к экстремистской деятельности, заведомо ложное сообщение о готовящемся теракте, умаление чести, достоинства и деловой репутации).

Заметим, что проблема оптимизации языковой формы каких-либо законодательных норм – не самая важная. Содержание таких текстов также должно быть согласовано с лингвистом, ибо

только он профессионально знает, как язык устроен и как и для чего им пользуются в разных ситуациях общения.

В связи с этим подчеркнем, что вряд ли в круг задач лингвиста может входить расширенное толкование текста закона. Ср.: «Под лингвистическим обеспечением [законов и других нормативных документов] ... понимается расширенное толкование текста законодательного документа с учетом всех его составляющих внешней и внутренней структуры. Это такие составляющие, как субъекты, объекты, терминосистема, правовая и обыденная составляющая, история и практика применения с точки зрения языковых параметров, лингвокультурологическое значение, дискурсивная характеристика, параметры жанрово-речевой структуры и др.» [Демешкина, Наумов 2011: 5]. Думается, что расширенное толкование документа (законодательного или иного) не может быть задачей ни лингвиста, ни правоведа. Применительно к тексту закона (не к конфликтогенному тексту!) это прерогатива законодательного органа. Лингвистическое обеспечение закона состоит лишь в том, что лингвист (вместе с юристом) участвует в процессе создания текста документа, как раз исходя из противоположной установки – **исключить возможность искаженного (в том числе расширенного) толкования.**

Заметим попутно, что сформировавшаяся в последние два-три десятилетия судебная (юридическая) лингвистика по своему предмету значительно шире той прикладной дисциплины, которая занимается проблемами языка правовых документов (эта дисциплина в некоторых исследованиях называется *правовой лингвистикой* [Баранов 2007: 13]). Означенные проблемы, как и проблемы судебного красноречия, не настолько, на наш взгляд, специфичны, чтобы их нельзя было решать в рамках функциональной стилистики и риторики [Мишланов, Голованова, Салимовский 2011: 10].

Под лингвистическим обеспечением законодательства следует, по-видимому, понимать не столько участие лингвиста в создании текста закона (по сути, редактирование документа в соответствии с нормами официально-делового стиля), сколько экспертную деятельность лингвистов в правоприменительной практике. Правовое разрешение речевого (коммуникативного) конфликта во многих случаях (кроме довольно редких случаев с использованием обценной лексики и прямых публичных призывов к насильственным действиям) невозможно без специального исследования конфликтного текста, предусматривающего многоаспектный анализ его язы-

ковой формы и смысла. Ясно, что провести такое исследование и дать компетентное заключение могут лишь языковеды (иногда вместе с психологами), опирающиеся на непротиворечивые, апробированные в ходе развития теоретической и прикладной лингвистики принципы и методы анализа текста, и на специально созданные для такого анализа справочные материалы, так как «специальные знания именно филологической науки, лингвистики могут дать возможность не только для первичной диагностики текста на предмет наличия в нем речевых деликтов, но и для их интерпретации, равно как и для установления авторства анонимных текстов экстремистской направленности» [Галяшина 2006: 17].

Вернемся к Закону РФ «О противодействии экстремистской деятельности». Содержательный анализ положений ст. 1 закона показывает, что двенадцать (из восемнадцати) перечисленных здесь разновидностей экстремизма реализуются как речевая деятельность; ср.: Экстремистская деятельность (экстремизм) – это «а) деятельность общественных и религиозных объединений, либо иных организаций, либо редакций средств массовой информации, либо физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на: ... публичное оправдание терроризма; возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию; унижение национального достоинства; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности; публичную клевету в отношении лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации; организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению» и др.) [Федеральный закон «О противодействии...» 2006].

Добавим, что многие из причисляемых к экстремизму действий, не являясь собственно речевыми, почти всегда сопровождаются порождением определенных по форме и содержанию текстов, в совокупности с которыми эти действия и получают характер экстремистских. Если, например, избивание человека, мотивировано ксенофобией, оно, как правило, сопровождается разного рода высказываниями, имеющими целью **явным образом** эту ксенофобию выразить. «Осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам

идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы» [Закон РФ «О противодействии...», ст. 1], по сути своей также сопряжено с речевой деятельностью – с порождением высказываний экстремистского содержания. Это же касается и того закона, в котором к экстремистским видам деятельности отнесено «воспрепятствование законной деятельности органов государственной власти, избирательных комиссий, а также законной деятельности должностных лиц указанных органов, комиссий, соединенное с насилием или угрозой его применения» (поскольку угроза есть особого рода высказывание-действие, или перформатив, хотя, как заметил еще Дж. Остин, глаголы типа *оскорблять*, *угрожать* не способны быть в перформативной рамке соответствующего высказывания [Остин 1986: 67, 97; Вендлер 1985: 246–247]), а также «нарушение прав и свобод человека и гражданина, причинение вреда здоровью и имуществу граждан в связи с их убеждениями, расовой или национальной принадлежностью, вероисповеданием, социальной принадлежностью или социальным происхождением» (связь данных действий с «убеждениями, расовой или национальной принадлежностью, вероисповеданием, социальной принадлежностью или социальным происхождением» не может быть доказательно установлена, если означенные действия не сопровождались осуществленной в той или иной форме вербальной деятельностью).

Квалификация некоторых речевых действий как экстремистских (а результатов этих действий как экстремистских материалов) зачастую сопряжена с определенными трудностями. На это указывают и критики анализируемого закона, упрекая его авторов в том, что они не дают научного определения понятия *экстремистская деятельность* и будто бы смешивают его с нетождественным понятием *экстремизм*; ср.: «Обращает на себя внимание, что в ФЗ отсутствует определение ключевого понятия «экстремизм». Более того, законодатель почему-то отождествляет неопределенное понятие «экстремизм» с понятием «экстремистская деятельность» [Бурьянов]; «Анализ содержания закона позволяет выявить следующие недостатки: в законе отсутствует научно разработанное определение понятия «экстремистская деятельность». Существующее определение экстремизма представляет собой простое перечисление составов преступлений» [Магомедова].

Но эти суждения вряд ли справедливы. Это обычное для мышления и текстопорождения явление: оперирование понятиями, связанными отношением "род – вид", и употребление в речи (мотивированное стилистически оправданным стремлением к лексическому разнообразию) соответствующих слов.

Экстремизм как свойство чьей-то идеологии (экстремистские взгляды), конечно, деятельностью не является и может быть лишь предметом осуждения, но не судебного разбирательства. Такowymi подобные взгляды становятся в случае их публичного изложения с коммуникативной интенцией внушения, их распространения, пропаганды. Но в этом случае экстремизм (экстремистская идеология) становится уже деятельностью (речевой деятельностью, или речевым экстремизмом, как определяет эту деятельность Е.И. Галяшина [2006]). Можно вменить в вину авторам текста закона некоторую стилистическую небрежность, логическую неточность (и не только применительно к данному фрагменту анализируемого документа), но в формулируемых далее положениях речь идет только о деятельности, реализуемой в том или ином виде, а главным образом, как уже было сказано, – о деятельности вербальной.

Что касается отсутствия в тексте научного определения понятия *экстремистская деятельность*, то любопытно было бы узнать, какое определение этой деятельности готовы предложить сами критики. На наш взгляд, дать «научное определение» данного понятия вряд ли возможно. Для этого социологу или политологу необходимо выявить интегральные и дифференциальные признаки экстремистской деятельности в ряду однородных понятий, т.е. иных видов социальной активности (например, «радикалистской», террористической, революционной и т.п. деятельности), при этом весьма существенной будет, очевидно, социологическая (шире – философская) парадигма, в пределах которой рассматриваются родственные понятия (так, в рамках марксистско-ленинской социологии вряд ли будет причислена к экстремизму антирелигиозная пропаганда, воинствующий атеизм, совершенно игнорирующий чувства верующих).

Проанализируем для примера, как в комментариях к Закону о противодействии экстремистской деятельности решается проблема разграничения понятий экстремизма и радикализма. «Экстремизм следует отличать от радикализма. Радикализм – это "идеология коренных перемен в обществе"; идеологическое обоснование применения насилия для решения различных про-

блем любого общества. Крайней формой радикализма является пропаганда идеи войны против других государства или геноцида какого-либо культурного меньшинства внутри государства. Как правило, радикализм может быть использован в обществе, которое подверглось внешней агрессии, либо в обществе, политическая структура которого оказалась не в состоянии воплотить в жизнь реформы, необходимые для решения внутренних проблем данного общества. Однако радикальный подход в решении внутренних проблем общества доводит их (очевидно, идеи радикализма. – В. М., В. С.) до абсурда вне зависимости от их изначальной правоты или неправоты. Радикализм заключается в требовании конкретного положительного результата, который является целью. Экстремизм, в отличие от радикализма, является средством для достижения поставленной цели. Экстремизм не предполагает применения крайних мер. Экстремизм есть понятие, относящееся к методам достижения поставленной цели. [?] Большинство экстремистов осуществляют свою деятельность без цели, для них важно средство, то есть максимально агрессивные и кровопролитные действия. Для радикалов же важна определенная цель. Так, например, среди радикалов можно выделить Э. Лимонова, среди экстремистов – "скинхедов" ("бритоголовых").

Некоторые общественные деятели определяют экстремизм как радикализм в действии, почти неизбежную стадию его развития. Для решения поставленных чрезмерных задач могут все-таки потребоваться и крайние средства. Кроме того, экстремизм отличается от радикализма тем, что является незаконным, противоречащим не только законодательству, но и нормам морали. Экстремизм сформирован народом на основе принципа силового противостояния. Это своего рода "идеология толпы"» [Комментарий к Федеральному закону от 25.07.2002 114-ФЗ].

Попытки развести понятия радикализма и экстремизма ни к чему, кроме противоречий, не приводят, ничего не проясняют. В самом деле, радикализм трактуется как *идеология коренных перемен в обществе, идеологическое обоснование применения насилия для решения различных проблем любого общества*, при этом радикализм *заключается в требовании [?] конкретного положительного результата, который является целью* [видимо, радикализма]. Но *идеология коренных перемен и идеологическое обоснование применения насилия для решения различных проблем* – вещи очевидно не тождественные. И что значит *заключается в требовании?* Исчерпыва-

ется требованием добиться конкретного положительного результата? Но если результат положительный, то и требование не предосудительно, а средства (радикальные меры, насилие) в этой фразе не могут подразумеваться в силу семантики предиката *заключаться в...*

Утверждается, далее, что *экстремизм, в отличие от радикализма, является средством для достижения поставленной цели, что экстремизм есть понятие, относящееся к методам достижения поставленной цели*. Однако ни экстремизм, ни радикализм не могут отождествляться ни с целью, ни со средствами, если это идеологии (система взглядов на мир и модус существования). Целенаправленной может быть лишь деятельность, мотивированная и питаемая идеологией.

Если *пропаганда геноцида* (видимо, имеются в виду призывы к геноциду) есть крайняя форма радикализма, то что же в таком случае остается экстремизму? И почему *экстремизм не предполагает применения крайних мер*? Если же экстремизм предполагает применение некрайних мер, то почему он называется экстремизмом?

Экстремизм отличается от радикализма тем, что является незаконным, противоречащим не только законодательству, но и нормам морали. Из сего суждения следует, что радикалистские призывы к этническим чисткам (к геноциду) нормам морали не противоречат.

Большинство экстремистов осуществляют свою деятельность без цели, для них важно средство, то есть максимально агрессивные и кровопролитные действия. Значит ли это, что максимально агрессивные действия, имеющие некую цель, перестают быть экстремизмом? Нет, разумеется.

Радикализм и экстремизм – весьма близкие идеологии, и разграничить их можно лишь условно. Логичней считать, что экстремизм есть радикализм, выходящий за свои пределы (призывы к геноциду, массовым беспорядкам и погромам, к насильственному захвату власти), т.е. за границы морали и права (при условии что радикализм не противоречит нормам морали, в чем есть основания сомневаться). Отношения между этими понятиями можно расценивать и как родовидовые (рассматривая экстремизм, наряду с нигилизмом, терроризмом и др., как одно из проявлений радикализма – см.: [Идеология радикализма]).

Нужно также иметь в виду, что существительные *радикализм* и *экстремизм* являются не только терминами (юриспруденции, политологии), но и словами общего (литературного) язы-

ка. Попытки придать этим словам смысл, не совпадающий с их семантикой в общелитературном употреблении (ср., например: *Экстремизм, в отличие от радикализма, является средством для достижения поставленной цели*), едва ли могут быть результативными: в гуманитарных науках формирование термина обычно осуществляется в ходе специализации общезыкового значения слова, но не придания слову иного значения.

Итак, отсутствие научного определения вовсе не недостаток закона. Дефиниция понятий той или иной гуманитарной науки (политологии, социологии, психологии и др.) попросту не входит в круг задач законодателя. Добавим, что многие общие понятия гуманитарных наук, как правило, имеют несколько различных дефиниций, опирающихся на разные концепции и являющихся предметом дискуссии. Кроме того, в силу высокого уровня абстрактности они чаще всего не могут служить надежной опорой для правовой квалификации конкретных фактов. Задача законодателя состоит не в экспликации научных понятий, а в точном обозначении действий (отношений), подлежащих правовому регулированию, в частности, «в перечислении составов преступлений»; и это необходимое и достаточное условие того, чтобы закон мог стать применимым, реально функционирующим. Другими словами, необходимым и достаточным будет четкое, недвусмысленное обозначение видов экстремистской деятельности «нормальными» языковыми средствами, обычным русским языком, что, в общем, и сделано законодателями.

Рассмотрим некоторые из положений закона об экстремистской деятельности (его 1-й статьи), а именно те из них, в которых обозначена речевая деятельность того или иного вида («...**возбуждение** расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию»; «**пропаганда** исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности»; «**публичные призывы** к осуществлению указанной деятельности, а также публичные призывы и выступления, побуждающие к осуществлению указанной деятельности, обосновывающие либо оправдывающие совершение деяний, указанных в настоящей статье» [ФЗ «О противодействии...» 2006; ст. 280 УК РФ; ст. 282 УК РФ]).

Верно ли утверждение, что главным критерием для установления факта оскорбления, униже-

ния национального достоинства «в любом случае... является мнение самих представителей национальной группы» [Закон № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» – толкование]? Как показывает практика экспертизы текстов в связи с делами об оскорблении, нанесении морального ущерба или умалении деловой репутации, люди весьма болезненно воспринимают любую негативную информацию, так или иначе относящуюся к ним. Любые нелестные высказывания, любую иронию в свой адрес они склонны считать оскорблением. Это относится и к случаям, когда порочащие сведения касаются конкретных лиц (названных или не названных, не имеет значения) определенной национальности: такая информация нередко осмысливается некритически мыслящим обывателем как относящаяся ко всему этносу. Полагаем поэтому, что реакция «представителей самих национальных групп» или конфессий на те или иные действия или высказывания должна приниматься во внимание, но не может быть «главным критерием» при решении вопроса о том, было ли оскорблено религиозное чувство или унижено национальное достоинство. Необходимо выявить объективные признаки оскорбления по национальной или религиозной принадлежности, т.е. речевые (текстовые) признаки, включая компоненты смысла, не выраженные явным образом, но воспринимаемые автоматически носителем языка как пресуппозиции или как следствие того, что выражено эксплицитно. Для этого во многих случаях необходимо проведение специального лингвистического, точнее, лингвокультурологического исследования конфликтного текста с использованием методов дискурсного или герменевтического анализа.

Сомнений в наличии факта оскорбления, унижения национального достоинства не возникает, если речевая агрессия реализуется за счет использования обценной лексики и уничижительных, грубо-экспрессивных номинаций этнических групп (разряды такой лексики перечислены в опубликованном по инициативе ГЛЭДИС сборнике «Понятия чести, достоинства и деловой репутации...» [2004: 68–69].

Сложнее установить факт **экстремистского** деяния в случае «высмеивания национальных религиозных святынь или значимых исторических событий (например, осквернение храмов или икон, карикатуры на пророков и святых, иронизирование по поводу героев и жертв Отечественной войны или Холокоста и т.д.)» [Закон № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» – толкование]. Необходимо в ка-

ждом конкретном случае определить, является ли высказывание инвективным и публичным, является ли адресатом такого высказывания социальная группа, этническая общность, религиозное объединение (конфессия, секта).

Но экстремизм в публичной речевой деятельности может быть вполне бесстрастным, безоценочным, так сказать. Он маскируется в косвенных речевых актах, скрываясь в пресуппозициях, в умолчании, в аллюзиях и реминисценциях. Фраза «Россия для русских» не оскорбляет прямо национального чувства «инородцев», не является призывом по внешней форме (объективной модальности и модусу), ибо ее модусной рамкой может быть выражение «Я считаю, что...» и собственно экстремистское содержание заключено в импликациях типа: «Все нерусские должны быть выселены / ущемлены в правах». (Между прочим, в импликациях такого рода лозунгов содержится и антирусское суждение: «Суверенитет России распространяется только на территории исконного проживания русских».)

Утверждая, что «возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни» есть речевое преступление, мы не имеем в виду, что речевая деятельность – это единственный способ разжигания межэтнической вражды и розни. В самом деле, что в большей мере разжигает национальную рознь – инвективы в адрес меньшинств, иммигрантов или противоправные действия со стороны представителей этнических групп? И какую роль в этом играет журналист, освещающий уголовные события? Имеет ли право журналист называть национальность преступника (даже с оговоркой в том смысле, что у преступления нет национальности)? Журналист исходит из посылки, что принадлежность преступника к определенной пришлой этнической группе для адресата публикации (для коренного жителя) объективно оказывается значимой (релевантной) характеристикой, не без оснований полагая, что такое упоминание повысит интерес к публикации. Если на территории с доминированием русского населения преступление совершается русским, на этот факт обычно внимание не обращается, в то же время участие русского («лица со славянской внешностью») в противоправных действиях на территории, например, Дагестана в новостных сообщениях, как правило, так или иначе отмечается.

Рассмотрим показательный пример. В Управление Роскомнадзора по Пермскому краю прокурором г. Кудымкара было направлено письмо «с требованием провести проверку и принять меры воздействия в отношении автора статьи «Про

наших и не наших» (Яны Яновской), опубликованной в газете «Парма-Новости», содержащую признаки злоупотребления свободой массовой информации». (Заметим в скобках, что прокурор, судя по всему, уже определил для себя, что в статье имеются признаки злоупотребления правом на свободу слова и необходимо, следовательно, «принять меры воздействия».) А между тем в этой публикации нет и намека на действия, противоречащие нормам российского законодательства (положениям законов «О СМИ» и «О противодействии экстремистской деятельности»). Более того, автор недвусмысленно определил свою позицию. Вот текст статьи (опущен только последний абзац, не имеющий отношения к сути обсуждаемой проблемы).

«Я лично знакома со многими людьми, которые терпеть не могут "чурок". Их бесит, что они живут на нашей земле, наводя свои порядки, заставляют на себя работать местных и все гребут под себя.

Я соглашаюсь лишь с тем, что они пришлые и не коренное население И тут же спрашиваю:

- А кто мешает вам поехать на Кавказ, в Америку, Финляндию, куда угодно, оформить там ПМЖ, жить и работать?

Уезжать никто никуда не хочет. Но внутренняя, непонятная мне, ненависть к людям другой национальности (в Кудымкаре, как правило, выходцам с Кавказа) становится причиной драк и разборок.

Рядовая "бытовуха" оборачивается призывами: "Наших бьют" и поножовщиной "стенка на стенку". Согласитесь, что если бы в "Атланте" по пьяной неосторожности пиво "местному" пролил такой же "местный", резни бы не было. Как не было бы ее, если бы "чурка" пролил пиво на "чурку". Но, как только сталкиваются "местные" с "неместными" (нечаянно задел, толкнул, наступил на ногу, громко матерился), внутри сразу просыпается некая гордость за себя и свой народ, и конфликт получает национальную окраску. Ведь не кинутся же все мужики в кафе на подмогу, если кто-то плюнул и случайно попал на ботинок рядом стоящего. Дело закончиться извинениями, в худшем случае дракой этих двух людей. Но если один из двоих "чурка" (не важно, плюнул он или на него), в драку полезет большинство. Я не делю людей на наших и не наших. Для меня есть просто люди. И когда люди будут уважать друг друга, экстремизма не будет» (Парма-Новости 2013. 10 июля (№28)).

Как видим, автор, откликаясь на некие события, взволновавшие жителей небольшого коми-пермяцкого города, излагает свое видение ситуа-

ции непростого сосуществования коренного населения (русских и коми-пермяков) и переселенцев с Кавказа. Журналист не считает возможным преуменьшать остроту проблемы взаимоотношений «местных» и «пришлых» иной национальности, подчеркивая неприязненное до враждебности отношение коренных жителей к «не нашим». Это не только его право, но и профессиональная обязанность, долг, если хотите. При этом автор статьи, повторю, однозначно выразил свое отрицательное отношение к ксенофобии «местных».

В сущности, только одно обстоятельство могло насторожить тех, кто призван следить за соблюдением законности: использование в номинативных целях отрицательно-оценочного слова «чурка». Мы не считаем это удачной стилистической находкой, заметим, однако, что в тексте имеется знак цитирования, неавторского употребления экспрессивного словечка, выражающего враждебное отношение, – кавычки. Равным образом фразу *Их бесит, что они живут на нашей земле, наводя свои порядки, заставляют на себя работать местных и все гребут под себя* следует воспринимать отстраненно от авторского мнения, хотя она и не взята в кавычки. Здесь мы имеем недословное цитирование (в придаточных изъяснительных), на что со всей очевидностью указывает следующее предложение.

Учитывая сказанное, мы сочли необходимым дать однозначно отрицательный ответ на вопрос о том, имеются ли в тексте статьи речевые признаки нарушения закона об экстремизме (действий, направленных на возбуждение национальной розни).

К экстремистской деятельности закон относит и «пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии». В связи с этим в СМИ и в комментариях к закону высказываются опасения, что под запретом может оказаться любая информация о фактах экстремистской деятельности. Ср.: «Отнесение к экстремизму действий по созданию и (или) распространению печатных, аудио-, аудиовизуальных и иных материалов (произведений), предназначенных для публичного использования и содержащих публичные призывы к осуществлению деятельности, которая имеет хотя бы один признак, содержащийся в определении экстремизма, а также публичные призывы и выступления, побуждающие к осуществлению указанной деятельности, обосновывающие либо оправдывающие совершение этих деяний,

дает реальную возможность представителям власти возбудить преследование в отношении журналиста, который опубликовал интервью лиц, которых власть называет террористами или представителей организаций, которые признаны судом экстремистскими. В любом таком интервью, которое можно расценить как создание печатных или аудио материалов, при желании, можно найти призывы. <...> Что касается освещения массовых акций, проводимых запрещенными организациями, то в том случае, если освещение будет ограничиваться лишь скупой информацией о том, что подобная акция проведена и не вдаваться в суть акции и ее целей, то при таких обстоятельствах журналисту возможно избежать обвинений в экстремизме, так как в таком случае сложно придаться, что были осуществлены действия по распространению материалов, содержащих призывы к экстремизму. Проблема только в том, что подобное освещение для профессионального журналиста совершенно неинтересно. <...> Поэтому очень важно понять, что закон нацелен в первую очередь именно на СМИ и общественные организации. Столь широкое определение экстремизма сочетается со сверхжесткими санкциями по отношению к организациям и СМИ» [Ставицкая].

Однако, на наш взгляд, обозначенная в этом комментарии проблема коренится не столько в тексте закона (который, повторим, действительно, может быть улучшен), сколько в возможности (а по мнению автора приведенного комментария, в неизбежности) вольного толкования положений законодательного документа.

Но следует ли исходить из презумпции, что информирование с помощью СМИ о фактах терроризма или пропаганды ксенофобии кто-то будет трактовать как оправдание терроризма или пропаганду экстремистских взглядов? И можем ли мы полагать, что не найдется никого, кто способен будет публиковать в СМИ «экстремистские материалы» (т.е. «предназначенные для обнародования документы либо информацию на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности»)? И как в противном случае поставить вне закона, например, «пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности», если не через запрет ее публикации в СМИ?

Нельзя при этом думать, что не существует возможности отграничить пропаганду от **сообщения о пропаганде**. И нельзя исходить из представлений, что креативный журналист, стремящийся освещать события «интересно», не способен языковыми средствами ясно и недвусмысленно обозначить позицию неприятия экстремизма. Если же этого нет (если антиэкстремистская установка журналиста не выявляется в тексте), он плохой журналист либо разделяет в той или иной мере экстремистские взгляды, «оправдывает» их, и публикация такого текста должна быть под запретом.

Понятие пропаганды, коль скоро оно присутствует в формулировках статей закона об экстремистской деятельности, должно и может быть эксплицировано в лингвистическом и правовом аспектах. Толковые словари русского языка дают в целом схожие дефиниции слова *пропаганда* (от лат. *propagare* – ‘распространять’): «печатное и устное распространение и разъяснение идей, учений, взглядов, политических теорий» [Словарь иностранных слов 1949: 527]; «Распространение и углубленное разъяснение каких-либо идей, учения, знаний...; политическое или идеологическое воздействие на широкие массы, а также органы и средства, с помощью которых осуществляется это воздействие...» [Словарь русского языка в четырех томах 1983: 508]. Ясно, что в нашем случае следует опираться на «речевые» («дискурсивные») значения этого слова.

Пропаганда есть **род речевой деятельности** (речевой жанр), реализуемый в особых условиях коммуникации (публичность, массовость, векторность и иерархичность) и с особой коммуникативной целью (воздействие на чувства, волю, образ мыслей слушающего, навязывание определенных идей и стереотипов – обычно новых, нехарактерных для данного социума, внушение, к определенной выгоде «пропагандиста», идей, нередко чуждых представителям этого социума или даже вредных для них). Можно, очевидно, утверждать, что пропаганда есть речевой жанр, характеризующийся векторностью и иерархичностью пропаганды, под которыми условимся понимать преимущественную направленность речи от «пропагандиста» к «массе» (обратная связь либо отсутствует, либо служит «средством корректировки» пропагандистских речевых действий (смены тактик, приемов) и наличие некоего социального и ментального неравенства между коммуникантами (пропагандирующий в данной коммуникативной ситуации занимает позицию учителя).

Понятие векторности по-иному (и довольно продуктивно, на наш взгляд) используется в диссертации М.А. Сеницыной, которая трактует его как «способность смысловой единицы реализовывать **социальную функцию** (т.е. приобретать вектор) в зависимости от общего контекста. Сумма векторов отдельных смысловых единиц определяет общий вектор всего сообщения, его социальную функцию» [Сеницына 2013: 20]. Очевидно, что «векторность» непосредственно связана с интенцией говорящего, с коммуникативными целями, в которых реализуется его социальная активность, но, с точки зрения М.Сеницыной, «понятие вектора медийного текста значительно шире понятия интенции автора текста. Включаясь в широкий контекст, сообщение может решать задачи, отличные от авторских» [там же: 8], а потому главным предметом лингвистической экспертизы должна быть не интенция, а «вектор, т.е. социальная функция медийного текста» [там же: 24]. На это заметим, что лингвистическая экспертиза ставит задачей и установление интенций (реконструкцию эмоционально-волевого плана текстопорождения), но основная цель состоит в выявлении перлокутивных эффектов (иначе говоря, важно установить, что хотел сказать инициатор речевого конфликта, но еще важнее определить, что он сказал объективно, т.е. какие смыслы могут быть выявлены слушателем. Эти последние и реализуют социальную функцию (социальный вектор) высказывания.

Другие признаки пропаганды как рода речевой деятельности нерелевантны или «непараметричны» (не допускают точного измерения). Так, в юридических комментариях понятия пропаганды среди ее обязательных свойств называется систематичность. Ср.: «Понятие пропаганды подразумевает систематические действия, направленные на внедрение в общественное сознание идей и формирование установок. Поэтому к данному признаку нельзя отнести единичные высказывания и суждения, выдвинутые в качестве тезиса мировоззренческой или политической дискуссии (например, высказывания участников телевизионного ток-шоу или интернет-форумов» [Закон № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» – толкование]. Если, однако, «единичное» высказывание мировоззренческого характера (имеющее целью «разъяснить» идею и внедрить ее в сознание слушателя как истинную) принадлежит человеку широко известному, авторитетному в некотором социуме («духовному лидеру» социальной группы), оно может иметь мощный пропагандистский эффект,

гораздо более значительный, чем систематическое «промывание мозгов» посредством регулярных радио- или телепередач, издание многотиражных пропагандистских опусов и т.п.

С другой стороны, публикация пропагандистского текста или распространение листовки является, в сущности, единичным речевым действием, а не «систематическим».

Неверно, на наш взгляд, и мнение, что пропаганда отсутствует в том случае, если высказывания принадлежат лицам «с низким образовательным и культурным уровнем, не позволяющим им адекватно аргументировать свою точку зрения, вести дискуссию и сознавать степень социальной ответственности за сказанные слова» [там же].

Безусловно, к этому роду речевой деятельности относится и распространение религиозных взглядов (прозелитская, миссионерская, проповедническая деятельность). И нельзя полагать, что не является пропагандой «распространение религиозных взглядов избранничества последователей определенной религии» [там же]. Следует ли распространение религиозных взглядов, облеченное в некую радикальную форму, считать экстремизмом – это другой вопрос, и весьма важный под углом зрения задач лингвистической экспертизы.

С немалыми трудностями связана и диагностика текстов в свете правовых норм, запрещающих «публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности». И в положениях ст.1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», и в тексте ст. 280 УК РФ, предусматривающей санкции за подобного рода речевые действия, используется речеведческое понятие *призыв*. Вот как толкуют это понятие юристы: «Объективную сторону состава преступления составляют публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности. Призыв – это **активное воздействие на сознание и волю человека с целью склонить его к насильственным действиям**... Призывы могут осуществляться в устной, письменной форме, с помощью технических средств. Призывы с использованием средств массовой информации являются квалифицированным составом этого преступления. Призывы к осуществлению экстремистской деятельности должны быть публичными, т.е. обращены к широкому кругу людей. Таким образом, не образуют состав преступления высказывания экстремистски настроенного человека, например, своему другу в процессе беседы. Наиболее характерными примерами публичности являются выступления на собраниях, митингах и других массовых мероприятиях, использо-

вание экстремистских лозунгов во время демонстраций и т.д.» [Комментарий к федеральному закону от 25.07. 2002 г. №14-ФЗ...].

В этом комментарии толкуется только перлокутивная составляющая речевого жанра, именуемого чаще всего призывом. Этот признак данного речевого жанра весьма важен, но недостаточен, ибо «активное воздействие на сознание и волю человека» может осуществляться и в других жанрах речи (пропаганда и агитация, не включающая призывов к действиям, манипулятивное использование речи в различных ее жанрах), формально (по внешним языковым признакам) не являющихся призывами.

Словом *призыв* в русском языке обозначается род речевых действий (речевых актов), **имеющих целью побудить адресата к некоторому действию** (или к бездействию). Ср. словарные определения: «1. Действие по значению глаголов *призвать, призывать* (призыв к порядку). ... 3. Обращение в краткой форме, выражающее руководящую идею, политическое требование; лозунг». «*Призвать* – 1. Позвать, потребовать, пригласить прийти, явиться куда-либо... 2. Обратиться к кому-либо с требованием, просьбой принять участие в каком-либо деле, присоединиться к какой-либо деятельности...» [Словарь русского языка в четырех томах 1983: 410].

Прямые призывы выражаются в определенных языковых формах, например, в формах 1-го л. перформативных глаголов (т.е. глаголов, прямо называющих данное речевое действие), например: *Я призываю (требую, прошу, приказываю и т.п.)..., Мы призываем...*; в формах побудительного наклонения сказуемых (*Идите на выборы! Не миритесь с коррупцией! Голосуйте за ЛДПР! Защитим отечество!*); в экспрессивных эллиптических конструкциях лозунгового характера (*К оружию, братья! Все на баррикады!*) и др.

Но иллокуцию призыва могут иметь и высказывания, не имеющие формы побуждения и не включающие перформативные глаголы класса директивов (*Я призываю, приказываю...*). Так, порожденные в некоторой коммуникативной ситуации (на городской площади, в аудитории, в телестудии) и произнесенные с определенной интонацией высказывания типа *Можем ли мы терпеть действия властей? Должны ли мы и впредь мириться с этим? Знайте: власть погрязла в коррупции*, без сомнения, мотивированы теми же интенциями и имеют ту же коммуникативную цель, что и прямые призывы.

Примером публикации, являющейся по основной коммуникативной целеустановке призывом

к решительным насильственным действиям, может послужить статья пермского журналиста Р. Юшкова, откликнувшегося на известные события в г. Пугачеве (опубликована в номере краевой газеты «Звезда» от 19 июля 2013 г.). Большая часть текста может быть в жанровом отношении определена как аналитическая статья, тем не менее модусные составляющие суждений автора, оценочные высказывания не оставляют места сомнениям в том, что главная цель публициста заключается в побуждении массового адресата к активным насильственным действиям по отношению к определенной социальной группе.

Вот несколько фрагментов из статьи «Истерия по-пугачевски».

«Безусловно, самое яркое событие федерального масштаба последней пары недель произошло в южнорусском городе Пугачеве. Чрезмерно оптимистичные комментаторы назвали происходящее «пугачевским бунтом. – Увы, это, конечно же, не бунт, а лишь чуть более громкая, чем обычно, истерика испуганного и затравленного кавказцами местного населения. Попробуем рассмотреть ситуацию крупным планом, благо открытых источников в избытке.

За последние 3 года в маленьком Пугачеве пять (!) молодых русских мужчин пали от чеченского, ингушского или дагестанского ножа. Все достоверно, называются точные места, имена, даты... Это, разумеется, уже никакие не «конфликты на социально-бытовой почве», не «межэтническая напряженность» и не «проблемы в межнациональных отношениях», как именуют ситуацию лицемерные либеральные эксперты. Это – резня, которую проводят северокавказцы в отношении местных, посмеявшихся открыть рот или просто подвернувшихся под руку. Уже не только в 90-е на Кавказе, уже в самой России, здесь и сейчас, русских одного за другим режут, как баранов. А кроме убитых в Пугачеве и окрестных селах за эти годы – еще множество раненых-подрезанных, масса избитых и изнасилованных. И тотальный ужас среди населения... Кавказ пришел в Россию и идет по ней победным шагом, размахивая ножом и презрительно хохоча. И наше с вами счастье, земляки, что мы находимся в относительно далеком и холодноватом месте, и по нам колокол бьет пока не так громко.

У большинства молодых чеченцев и других северокавказцев в полной мере выражен комплекс оккупанта: бей, насилуй, раздербанивай покоренную территорию. При этом они никого и ничего не боятся. Как видно по Пугачеву, режут даже полицейских. Интересно, почему? Такие ли уж они все безбашенные и так ли уж наплева-

тельски относятся к своей судьбе? Да нет, я общался с ними довольно много и не могу этого сказать. Думаю, тут работают две причины. Во-первых, Кадыров обычно забирает своих осужденных сидеть в Чечню, и там они сверхбыстро и легко выходят по УДО на свободу. Во-вторых, выходят не просто так, а героями: зарезанный русский, а лучше не один — это для них важный социальный рубеж, инициация, которая здорово поднимает статус молодого абрека в чеченском обществе. За такое не жалко и отсидеть года три».

Подчеркнутые нами фрагменты не содержат призывов, но по содержанию и эмоционально-экспрессивной окраске могут (и объективно должны) рассматриваться как речевые действия, имеющие одной из коммуникативных целей внушить враждебное отношение к переселенцам с Северного Кавказа, в частности, к чеченцам, возбудить неприязненное, резко отрицательное отношение к ним. Не являясь призывами (ни прямыми, ни косвенными), эти высказывания коммуникативно (тактически) ориентированы на усиление иллюзии призыва: в контексте статьи они становятся мощным аргументирующим средством (многие исследователи причисляют его к манипулятивным, именуя тактикой *апелляции к чувствам*).

«Видео уличных пугачевских «бунтов», которым наполнен Интернет, вызывает чувство бесконечной жалости к своим соплеменникам. И ощущение вовсе не беспощадности — куда там! — но зато уж действительной бессмысленности происходящего. Люди требуют каких-то действий от местной администрации. Последняя, судя по ее комментариям, похоже, весьма недалекая и трусливая, но дело не в этом — что же она сделает одна со сплоченной и отморозенной чеченской диаспорой?! Власть эта недалека и труслива ровно потому, что является плотью от плоти местного населения.

Люди хотят каких-то резких действий от полиции. Да с какой стати? Ведь полиция — тоже часть этого же местного народа, и она запугана кавказцами ничуть не меньше. Хорошо знаю по нашему Карагайскому району, где чеченцев пока на порядок меньше, чем в Пугачеве, как могут быть психически подавлены милиционеры, которых вайнахи внаглую вызывают на стрелки, периодически ломают им челюсти, угрожают безопасностью членов их семей.

«Выселить!.. Выселить!..» — яростно, с праведным гневом в глазах требует от власти толпа на площади в Пугачеве. Боже мой, как же наивны наши люди! Кто, куда, на каком основании

выселит из города всех чеченцев, российских, между прочим, граждан?! По какому такому фантастическому решению какого суда?! Если троих и выселят по какому-то поводу, так завтра на их место придут 30 новых. **Возьмите и выселите сами! Или сделайте так, чтобы они сами уехали и не вернулись.** Но нет, наши люди не могут брать на себя ответственность и продолжают вопреки здравому смыслу надеяться на государство и власть. Они не понимают, что государство не станет защищать ничьи интересы, пока его не возьмешь за горло. Вот чечены сумели это сделать и успешно заставили наше государство работать на себя. Причем сделали это не кричалками под окнами Кремля, а с оружием в руках. **И если мы срочно этого не поймем и не изменим своего поведения, то нам конец».**

Выделенные полужирным шрифтом высказывания содержат прямой (по форме — повелительному наклонению глагола-сказуемого) и косвенный призывы осуществить по отношению к живущим в Пугачеве чеченцам некие насильственные действия.

«Общий итог пугачевских событий — окрепшее у чеченцев ощущение очередной победы и собственной безнаказанности...»

Так что же могло бы действительно изменить ситуацию в Пугачеве? Ответ единственный, и давайте скажем о нем прямо. Ситуация бы изменилась, если бы в Пугачеве толпа не надувала щеки и не грозила поджечь то самое кафе «Халяль», а реально бы его сожгла вместе с обитателями. А заодно и все чеченские дома в Пугачеве. Иначе говоря, если бы русские во имя памяти своих невинно убиенных соплеменников использовали свое священное право на возмездие. Иных рецептов нет. Грезить о том, что восстанет из гроба товарищ Сталин вместе с отрядами НКВД, защитит и отправит всех злых чеченов вагонами в Казахстан — смешно и глупо. Пора взрослеть и, повторяю, брать на себя ответственность.

Конечно, это потребовало бы жертвенности от нашего народа, от его героев, как и во все времена нашествий. Остальным же сплотиться бы вокруг этих людей действия и не предать их. Кто-то бы погиб, кто-то пошел бы в тюрьму. Но альтернатива этому — наши сегодняшние ничемные жертвы, бесславно идущие под нож пирующим глумливым оккупантам. Мы, судя по всему, пока твердо выбираем второе».

Выделенный абзац содержательно представляет собой предположения автора о желаемых (желательных для русского населения) последствиях действий, обозначенных синтаксическим

условным наклоном. По прямой коммуникативной цели – это изложение возможного хода событий при иных – более решительных и самостоятельных – действиях граждан г. Пугачева, но по сути – это призыв (косвенный призыв) к такого рода решительным действиям в аналогичной ситуации. Другими словами, истинной коммуникативной целью автора в данном случае было не столько изложение возможных последствий иного поведения граждан г. Пугачева, сколько «наставление» их, побуждение извлечь уроки на будущее.

Это косвенное побуждение находит прямое выражение в заключительной фразе фрагмента: *Пора взрослеть и, повторяю, брать на себя ответственность*. В контексте статьи это синонимично призыву: «Русские жители Пугачева, берите ответственность на себя, используйте свое священное право на возмездие (= жгите дома чеченцев, выселяйте их, делайте так, чтобы они сами уехали и не вернулись)».

Последние фразы содержат сравнение процесса расселения представителей северокавказских этносов с нашествием врагов, с оккупацией, а самих кавказцев – с оккупантами. Такое сравнение в нашей лингвокультуре сопряжено с резкой отрицательной оценочностью, поэтому данные высказывания вполне могут быть расценены как направленные на возбуждение национальной вражды.

Высказывания, имеющие коммуникативной целью выражение отрицательно-оценочного отношения к переселенцам из регионов Северного Кавказа и тем самым возбуждение враждебного к ним отношения, в приведенных фрагментах статьи подчеркнуты; те фрагменты, которые по форме и/или содержанию являются призывами, выделены полужирным шрифтом. Подчеркнем еще раз, что и статья в целом как комплексное коммуникативное действие – это призыв к насильственным действиям против этнического меньшинства.

В то же время высказывания, в которых русские жители Пугачева характеризуются как наивные обыватели, не способные «брать на себя ответственность», напрасно («вопреки здравому смыслу») возлагающие надежды лишь на власть, на государство, а чеченцы, напротив, изображаются как люди решительные, способные силой, с оружием в руках отстаивать свои интересы, ведущие себя на новых местах проживания агрессивно, подобно «глумливым» оккупантам, способны вызвать в читателе враждебность по отношению к представителям чеченского этноса, но, очевидно, не могут быть квалифицированы

как «пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку национальной или языковой принадлежности».

Отметим в заключение, что среди экспертов распространено ошибочное, по нашему убеждению, представление о том, будто бы информация, выраженная косвенными речевыми средствами, не должна приниматься во внимание в судебном рассмотрении речевого произведения. Конечно, предметом лингвистической экспертизы не должен становиться подтекст, содержащий имплицитные смыслы и оценки. Однако, как известно, косвенные речевые акты регулярно выражают не только неявное, но и однозначно воспринимаемое адресатом содержание (например, высказывание *Не трудно ли вам закрыть окно?* любым собеседником понимается как просьба, несмотря на формальные показатели вопроса). Поэтому изучение всего многообразия косвенных способов выражения информации в связи со степенью ее определенности в восприятии адресата представляется нам актуальной задачей судебной лингвистики.

Примечание

¹ Работа издается при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта №13-14-59007 а/У.

Список литературы

Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста (теоретические основания и практика): учеб. пособие. М., 2007. 592 с.

Бурьянов А. С. О необходимости отмены ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и иного «антиэкстремистского» законодательства. URL: <http://goloslama.ru/news.php?id=8257>. (дата обращения: 21.11.2013).

Вендлер З. Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 238–250.

Галяшина Е. И. Лингвистика vs экстремизм: В помощь судьям, следователям, экспертам / под ред. проф. М.В. Горбаневского. М., 2006. 96 с.

Демешкина Т. А., Наумов В. Г. Проблема лингвистического обеспечения федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» // Вестник Томского государственного университета. Филология. Лингвистика. 2011. №4(16). С. 5–12.

Закон №114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» – толкование. URL: <http://voprosik.net/zakon-n-114-fz-o-protivodejstvii->

**Мишланов В. А., Салимовский В. А. ЭТНИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ
В МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРОБЛЕМ
СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ**

ekstremistskoj-deyatelnosti-tolkovanie/ (дата обращения: 21.11.2013).

Идеология радикализма. URL: <http://allstuds.ru/ideolrad.html> (дата обращения: 21.11.2013).

Комментарий к Федеральному закону от 25.07.2002 №14-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (постатейный) (Смолина Л. В.). URL: <http://www.lawmix.ru/commlaw/1068> (дата обращения: 21.11.2013).

Магомедова Д. А. Анализ законодательства об экстремизме. URL: <http://pravovestnik.ru/?p=107> (дата обращения: 21.11.2013).

Мишланов В. А., Голованова А. В., Салимовский В. А. Основы прикладной лингвистики. Теория и практика судебной лингвистической экспертизы текста. Пермь, 2011. 368 с.

Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. М., 1986. С. 22–130.

Понятия чести, достоинства и деловой репутации: спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. 2-е изд.,

перераб. и доп. / под ред. А. К. Симонова и М. В. Горбаневского. М.: Медия, 2004. 328 с.

Салимовский В. А., Ермакова Л. М. Экстремистский дискурс в массовой коммуникации Рунета // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып.3(15). С. 71–80.

Синицына М. А. Исследование механизмов аргументирования в современных СМИ для оптимизации методологии проведения лингвистической экспертизы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013.

Словарь иностранных слов. М., 1949.

Словарь русского языка: в 4 т. М., 1983. Т. 3.

Ставицкая А. Закон «О противодействии экстремистской деятельности» / Юридический комментарий URL: <http://studies.agentura.ru/tr/press-coverage/extremist/> (дата обращения: 21.11.2013).

Федеральный закон Российской Федерации «О противодействии экстремистской деятельности» (в ред. от 27.07.2006 № 148-ФЗ) // Рос. газ. 2006. 29 июля (федер. вып. №4131).

**ETHNIC EXTREMISM IN MASS COMMUNICATION
IN TERMS OF FORENSIC LINGUISTIC EXAMINATION PROBLEMS**

Valery A. Mishlanov

**Professor Journalism and Mass Communication Department
Perm State National Research University**

Vladimir A. Salimovsky

**Professor of Journalism and Mass Communication Department
Perm State National Research University**

In the paper the concept of “linguistic support of legislation and law enforcement” is clarified; the provisions of the Federal Law “On counteraction against extremist activity” as well as the legal comments to this law are analysed in terms of linguistic support problems of law enforcement; the key concepts of the above-mentioned Act such as *speech extremism, propaganda, appeals, national strife fomentation*, etc. are defined; the suggested propositions are illustrated by the examples from the media texts which were assigned for forensic linguistic examination.

Key words: linguistic support of legislation; forensic linguistics; speech offence; speech tokens of extremism; disputed text examination.